

# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

## КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

### К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАРАКАЧАН

В наших отечественных изданиях каракачанам не посвящено ни одной специальной работы, хотя проблема быта и культуры кочевников вообще и кочевых пастухов-овцеводов Балканского полуострова, в частности, и по сей день вызывает большой научный и практический интерес. Эта тема обсуждалась на международных научных конгрессах, была предметом исследования зарубежных этнографов, экономистов, социологов, но до сих пор не получила достаточного освещения.

Мы попытаемся дать краткий обзор литературы о каракачанах, обратив главное внимание на проблему их происхождения.

Особенно трудно определить численность и географическое распространение каракачан вследствие кочевого образа их жизни.

Лучше всего в литературе представлены данные о численности каракачан в Болгарии. По переписи 1881 г. насчитывалось 700 каракачан<sup>1</sup>. К 1910 г. их численность выросла до 3159 чел.<sup>2</sup> А. Иширков в своей работе называет цифру 4990 чел.<sup>3</sup> Эту же цифру заимствует датчанин К. Хёг, оговариваясь, что ему осталась неизвестной численность каракачан, обитающих во Фракии с центром в Родопах, в Родосто, а также вокруг Хариополиса и Ипсалы, которых не учитывал А. Иширков<sup>4</sup>. В 1921 г. сами каракачаны говорили, что их число достигает 2000 семейств<sup>5</sup>. В. Маринов приводит данные 1956 г., согласно которым в Болгарии насчитывалось 1556 каракачан<sup>6</sup>. Однако эти официальные данные сильно приуменьшены, так как при проведении переписи часто вносили каракачан в графу «прочие», вследствие чего установить их подлинное число не представляется возможным. Кроме того, многие каракачаны, родившиеся в Болгарии, в графе о национальности записывали себя болгарами. И, наконец, часть каракачан в 1944 г. ушла в Грецию и осталась там. Согласно анкетам, собранным В. Мариновым, число каракачан, включая и смешанные семьи с болгарами, составляет 3000 чел.<sup>7</sup> Ссылаясь на турецкие данные, польская исследовательница Б. Урбаньска пишет, что в Болгарии в настоящее время насчитывается до 5 тыс. каракачан<sup>8</sup>.

Относительно общей численности каракачан на Балканском полуострове в литературе тем более нет общего мнения, так как материалы официальных переписей не позволяли точно определить их число. В Греции их вносили в графу «греки», в Югославии их смешивали с влахами и куцовлахами, об албанских каракачанах вообще не приводилось никаких данных.

<sup>1</sup> П. Чилев, Саракачани, «Известия на Народния етнографски музей в София» (далее ИНЕМ), год I, кн. 1., 1921, стр. 52.

<sup>2</sup> Там же, стр. 50.

<sup>3</sup> А. Ischirkoff, Bulgarien. Land und Leute, В. II, Leipzig, 1917, стр. 81.

<sup>4</sup> П. Чилев, Укз. раб., стр. 50.

<sup>5</sup> С. Нёг, Les Saracatsans. line tribu nomade grecque. I. Etude linguistique précédée d'une notice ethnographique, Paris — Copenhague, t. 1, 1925, стр. 66.

<sup>6</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, София, 1964, стр. 15.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> В. Urbanska, Karakaczani. Nomadzki lud pasterski na Balkanah, «Etnografia Polska», t. V, 1962, стр. 216.

Пользуясь своими полевыми анкетными материалами, а также неофициальными данными других авторов, К. Хёг указывал, что в 1922 г. в Эпире насчитывалось 3700 каракачан<sup>9</sup>, а во всей Греции — 6000 чел.<sup>10</sup>. Однако он не привел никаких данных о каракачанах Албании, и указал, что его данные о Греции требуют существенного дополнения.

Всего по подсчетам В. Маринова в настоящее время насчитывается около 12 700 каракачан, из которых 9700 чел. живут в Греции, а остальные 3000 — в Болгарии<sup>11</sup>.

Побывав во время своих странствий на многочисленных летних и зимних стоянках каракачан более чем в 20-ти районах Болгарии, В. Маринов максимально использовал свои полевые материалы и все разрозненные литературные данные и обобщил их в двух картах, которые приложены в конце его книги. Одна из них «Пути передвижения каракачан по Балканскому полуострову» и другая «Зимние поселения каракачан в Болгарии» помогают расширить и уточнить наши представления о границах расселения этой народности. Отдельные группы каракачан, кочевавшие в Балканских горах в конце прошлого столетия, отмечены на карте, приложенной к работе Г. Вайганда<sup>12</sup>. Известным дополнением к этим картам может служить схема расположения отдельных групп каракачан вокруг Пирота, Ниша, Кустендила, а также на правом берегу р. Западной Моравы в ее среднем течении, приведенная в статье Л. Жунича<sup>13</sup>, и схема расположения каракачан в Греции, приложенная к недавно вышедшей в свет работе Г. Б. Кавадияса<sup>14</sup>. О путях переходов с зимних стоянок на летние в пределах Южной Сербии, Македонии и Северной Греции сообщалось в работах В. Карма<sup>15</sup> и И. Цвиича<sup>16</sup>.

Автор «Географии Турции» Ф. С. Дуран писал, что каракачаны зимой кочевали по Европейской Турции, а летом уходили в Болгарию<sup>17</sup>. А. Хаджимихали были известны каракачаны, которые кочевали по территории Азиатской Турции и доходили до Каппадокии<sup>18</sup>.

В конце XIX и в начале XX в. многие авторы, особенно болгарские, стали заниматься изучением быта и хозяйства каракачан. Однако эти работы носили описательный характер и в них не был дан исторический анализ развития кочевого хозяйства каракачан.

Многие исследователи посвятили специальные разделы или статьи овцеводству каракачан, как главной отрасли их хозяйственной деятельности<sup>19</sup>.

Позднее эта тема привлекла внимание Г. С. Хлебарова, который пришел к выводу о том, что кочевое овцеводство каракачан существенно отличается от кочевого

<sup>9</sup> С. Н б е г, Указ. раб., стр. 64.

<sup>10</sup> Там же, стр. 65.

<sup>11</sup> В. М а р и н о в, Указ. раб., стр. 15.

<sup>12</sup> G. W e i g a n d, Rumanen und Aromunen in Bulgarien, Mit. 16, Beldern und Beiner Karte, Leipzig, 1907.

<sup>13</sup> Л. Ж у н и ч, Саракачани «Ашани» на Гочу, «Гласник Етнографског института», VII, Београд, 1958, стр. 88.

<sup>14</sup> G. B. K a v a d i a s, Pasteurs nomades mediterraneens les saracatsans de Grèce, Paris, 1965.

<sup>15</sup> В. К а р и л и, Србња, Београд, 1887, стр. 95.

<sup>16</sup> И. П. В Н Ј Н h, Антропографски проблеми Балканског полуострова, «Населја и порекло становништва», кн. I, Београд, 1902.

<sup>17</sup> F. S. D u r a n, Turkyie Cögrafiysi, Istanbul, 1929, стр. 207.

<sup>18</sup> Д. Е. Еремеев, Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории, Труды Института этнографии АН СССР (далее Тр. ИЭ), нов. сери, т. 83, «Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии», М.—Л., 1963, стр. 33.

<sup>19</sup> В. А т а н а с о в, Бегликт от каракачанските овце, «Българско Икономическо дружество», год I, кн. IV, Средец, 1896, стр. 294—296; С. А р г и р о в, Календар рабош, «Периодическо Списание» (далее ПСп), кн. LIV, Средец, 1896, стр. 679—765; И. Е. Г е ш о в, Овчарите от Котленско и жтварите от Търновско, ПСп, год VI, кн. XXXXI—XXXIV, 1890, стр. 310—326; его же, Задружно владение и работене п България, ПСп, год VI, кн. XXVIII—XXX—XXXIV, 1899, стр. 539—540; В. Дечев, Среднородопско овчарство «Сборник на народная умотворения» (далее СбНУ), кн. XIX Средец, 1903, Приложения 1—92; П. Д е т е в, Еден календар рабош в Пловдивския народен музей, «Български народ», год II, кн. I, София, 1947, стр. 10—13; П. М и я т е в, Няолко турски документа от XVI в. по продовольствието на супанските войски с овце от български селища, «Архиз за поселкши проучвния» (далее Арх. ППр), год I, кн. I, София, 1938, стр. 130—136; Н. Ст. Ш и ш к о в, Овцевъдството в Тракийската област, «Тракийски сборник», кн. IV, София, 1933, стр. 32—82; П. И. Т о п у з о в, Материали за историята на кашкавала в България, «Известия на Институт за животноводство», кн. 9, София, 1958, стр. 303—340.

и оседлого овцеводства других народов Балканского полуострова<sup>20</sup>. В. Маринов в двух своих последних публикациях<sup>21</sup> дал подробное описание овцеводства, используя работы предшественников и свои полевые материалы. Рассматривая отдельные элементы материальной культуры овцеводческого хозяйства, В. Маринов порою уделяет много внимания малозначительным деталям. Так, например, он описывает сыроварни, которые строились тем или другим лицом. Здесь же он злоупотребляет цитатами, извлеченными как из рассказов информаторов, так и из трудов предшественников<sup>22</sup>. Данные эти не лишены интереса, но они делают работу рыхлой и снижают ценность историко-этнографического исследования.

Второй по значению отраслю кочевого хозяйства каракачан является коневодство<sup>23</sup>. Оно получило развитие в такой степени, в какой отвечало потребностям кочевой жизни каракачан. П. Петров говорит, что каракачанский конь принадлежал к особой горной породе, являясь продуктом «крайне специфических условий разведения»<sup>24</sup>. Численность коней у каракачан в XIX в. была гораздо больше, чем в настоящее время. Некоторым семьям принадлежало до 200 коней<sup>25</sup>. Сокращение численности коней у каракачан в настоящее время, согласно В. Маринову, связано с переходом на оседлость<sup>26</sup>. Использование лошадей как вьючных животных для перевозки домашней утвари и строительных материалов, а также на сельскохозяйственных работах оседлого болгарского населения во время уборки урожая описали В. Маринов<sup>27</sup> и Б. Урбаньска<sup>28</sup>.

В обширной литературе разбросаны сведения о поселениях и жилище каракачан. Наиболее древняя форма жилища описана К. Хёгом в Загорской области Эпира. Такал группа жилищ, согласно его сведениям, составляла «стан»<sup>29</sup>. В ряде работ дается характеристика различных видов шалашей, их строительства, а также зимних жилищ каракачан Балканского полуострова<sup>30</sup>.

Значительное место уделено жилищу каракачан Греции в работе Г. Б. Кавадияса<sup>31</sup>. Однако его попытка классифицировать жилища только по их внешней форме на наш взгляд недостаточно убедительна.

Некоторые сравнительные материалы можно найти в трудах румынских ученых, которые предприняли в разное время полевые исследования пастушеской жизни вла-

<sup>20</sup> Г. С. Хлебárov, Изучаване върху българските местни овце и възможности за тяхното подобрене, «Списание на Българската Академия на науките» Сдеее (СпБАН), кн. XXXIII, София, 1940, стр. 188; его же, Животноводство, «Университетска библиотека», № 142, София, 1934; его же, Каракачанската овца; «Годишник на Софийския университет» (далее ГСУ), Аграрно-лесотехнически факултет, т. XX, 1941—1942, кн. I, «Земледелие», София, 1934, стр. 1—39; его же, Номадно овцевъдство на каракачаните и куцовласите в планините на Балканския полуостров, «Природа», кн. I, год VII, 1958, София, стр. 13—18.

<sup>21</sup> V. Marinow, Die Schafzucht der nomadisierenden Karakatschanen in Bulgarien, «Vieh- und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Ungarische Akademie d. Wiss.», Budapest, 1961, стр. 147—196; его же, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България.

<sup>22</sup> Там же, стр. 102, 106—107, 108, 109—111, 115.

<sup>23</sup> Г. Вайганд, Аромъни, Варна, 1899; его же Die Rumanen und Aromunen in Bulgarien; его же, Ethnographie von Makedonien, Leipzig, 1924; A. J. Ware and M. S. Thompson, The nomads of the Balkans, London, 1914; Л. Жуний, Саракачани — «Ашани» на Гочу, «Гласник Етнографског института», т. VII, 1958, Београд, стр. 87—109; А. Иширков, Дакоромъните в Балкански полуостров, ИИЕМ, год I, кн. I, 1921, стр. 73—90; П. Скок, Саракачани, «Гласник Скопског научног друштва», кн. III, Скопле, 1928; П. Петров, Каракачанският кон, ГСУ, Аграрно-лесотехнически факултет, т. XIX, 1940—1941, стр. 37—50; T. Capidan, Die Mazedo-ruma'nen, Die Dacia — Bucher, Bucarest, 1941; Ст. Романски, Власите и цинцарите в България, ПСП, ГОД XX, 1908, стр. 135—147; его же, Македонски ромъни. «Македонски Преглед», год I, кн. V—VI, 1925, стр. 63—96.

<sup>24</sup> П. Петров, Указ. раб., стр. 48, 49.

<sup>25</sup> Там же, стр. 43.

<sup>26</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 55.

<sup>27</sup> Там же, стр. 54—56.

<sup>28</sup> B. Urbanska, Указ. раб., стр. 202—226.

<sup>29</sup> C. Hegg, Указ. раб., стр. 7.

<sup>30</sup> G. Weigand, Die Rumanen und Aromunen in Bulgarien; Th. Capidan, Die Mazedo-rumanen; И. Илков, Екскурзия по Калоферска планина, ПСП, год X, кн. II—III, Среден, 1896, стр. 629—687; Л. Жуний, Указ. раб.; П. Скок, Указ. раб., стр. 155—179; И. Цвиит, Указ. раб.; Ионин, О куцевлахах Эпира, Фессалии и Македонии, «Записки РГО по отделению географии», т. III, СПб., 1873.

<sup>31</sup> G. B. Kavadias, Указ. раб., стр. 59—87.

хов и куцовлахов в различных Балканских странах<sup>32</sup>. Однако в этих работах нередко проводятся отдельные реакционные националистические идеи<sup>33</sup>.

Большой заслугой В. Маринова является введение в научный оборот новых материалов о групповых и единичных высокогорных летних стоянках, которые он обследовал в Рильских и Родопских горах, а также в массивах Стара-Планины, Средна-Гора, Витоши и Осоговы<sup>34</sup>. Аналогичные материалы имеются в работе польской исследовательницы Б. Урбаньской<sup>35</sup>.

До недавнего времени сведения об одежде каракачан в литературе были очень краткими и неполными. Г. С. Хлеббаров указывал, например, что «мужская и женская одежда негигиеничная, тяжелая..., но практичная для холодной и непостоянной погоды в горах»<sup>36</sup>.

Указанием на практичность одежды ограничивается и сербский этнограф Л. Жунич<sup>37</sup>, и болгарский исследователь П. Чилев<sup>38</sup>. Однако никто из названных исследователей не попытался проследить историческое развитие каракачанской одежды; эта проблема была поставлена и решена в отдельной главе об одежде в книге В. Маринова<sup>39</sup>. Он дает описание деталей мужской, женской и детской одежды в прошлом и настоящем. Глава сопровождается хорошими фотоиллюстрациями и обширной специальной терминологией.

Л. Жунич, Г. С. Хлеббаров, П. Скок, П. Чилев и другие авторы мимоходом упоминали о пище каракачан. Согласно К. Хёгу, она состояла главным образом, из фа-соли, сыра и молока<sup>40</sup>. Важные сведения о дикорастущих растениях, употребляемых в пищу каракачанами, собрал В. Маринов. Однако описывая отдельные блюда и способы их приготовления, автор не дифференцировал элементы древнего происхождения от более поздних болгарских влияний. Вполне возможно, что особенности в приготовлении хлеба, кзашни<sup>41</sup>, связаны с неодинаковым происхождением различных эпических групп каракачан, но эта проблема нуждается в дополнительном и более тщательном исследовании.

Особый интерес представляют кочевые скотоводческие общины каракачан я те социальные отношения, которые складываются в конце XIX и начале XX в. среди кочевников. Прimitивный быт, некоторые следы родоплеменной организации и другие элементы консерватизма общественной жизни каракачан побуждали исследователей к архаизации всего общественного строя кочевников<sup>42</sup>. А любованье некоторыми пережитками их быта вело к его идеализации. Например, болгарский академик Г. С. Хлеббаров писал в научно-популярном журнале «Природа», что, несмотря на наличие большого богатства в руках отдельных зажиточных каракачан, они жили так же скромно, как и вся каракачанская беднота<sup>43</sup>. Умиляясь «шедростью» некоторых каракачанских кехаев, А. Д. Константинов тоже не замечал классовых противоречий, ко-

<sup>32</sup> O. Densujianu, Din istoria migra^iunilor pastoresti la popularele rornanice, «Buletenu Societății Filologica», Bucuresti, 1907; G. Giuglea, G. Valsan, De la românie din Serbia, Bucuresti, 1913; T. Capidan, Rornani nomazi, Dacoromania, т. IV, Bucuresti, 1926; N. Jorga, Histoire des Roumains de la Peninsula des Balkans, Bucurest, 1919.

<sup>33</sup> См. И. Владуциу, Об изучении пастушеской жизни в Румынии, «Etnografia Polska» Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1961, № 5, стр. 78.

<sup>34</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 101—116.

<sup>35</sup> B. Urban ska, Указ. раб., стр. 206—208, 211—213, 214—216.

<sup>36</sup> Г. С. Хлеббаров, Номадното овцевъдство на каракачаните и куцовласите на Балканския полуостров, стр. 13.

<sup>37</sup> Л. Жунич, Указ. раб., стр. 95.

<sup>38</sup> П. Чилев, Указ. раб., стр. 52.

<sup>39</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 92—100.

<sup>40</sup> С. Неге, Указ. раб., стр. 150.

<sup>41</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 85.

<sup>42</sup> П. Чилев, Указ. раб.; G. B. Kavadias, Указ. раб., стр. 175—230; П. Скок, Указ. раб.; Н. Д. Рачев, Няколко черти из правния бит на каракачаните, т. IV, Сметяоструй, Щрклево, 1931; Г. С. Хлеббаров, Каракачанската овца, стр. 1—39; A. J. B. Wace and M. S. Thompson, The nomadis of the Balkans, London, 1914; C. Драгомир, Власи и Морлаци, студия из историје балканских румуна, Клуж, 1924; N. Jorga, Historia des Roumains de la Peninsule des Balkans.

<sup>43</sup> Г. С. Хлеббаров, Номадното овцевъдство на каракачаните и куцовласите в планините на Балканския полуостров, стр. 15.

<sup>44</sup> А. Д. Константинов, Жеравна в миналото и днешко време, «Историко-би-тов преглед», София, 1948.

которые особенно сильно развились среди каракачан в период буржуазного развития Болгарии после освобождения от турецкого гнета<sup>45</sup>.

Шаг вперед в изучении социальной организации каракачан был сделан В. Мариновым, согласно которому бедняцкие слои каракачан находились в зависимости от руководителей кочевых общин («кехая»<sup>46</sup>, «челинци») и от чорбаджиев<sup>47</sup>. В качестве одного из доказательств он привел слова своего информатора о том, что «...никогда бедняки не могли стать богатыми..., они доили овец, а кехай доили их самих»<sup>48</sup>.

А. Д. Константинов, не изучая специально социальную организацию каракачан, путал общественную роль и функции руководителей кочевых общин и чорбаджиев<sup>49</sup>. В. Маринов избегал этой ошибки, однако сам он не до конца последователен. Объясняется это тем, что они не уделили достаточного внимания чорбаджиям — особой прослойке, которая была связующим звеном между развивающейся буржуазией и каракачанскими овцеводами<sup>50</sup>.

В зависимость от чорбаджиев попадала не только каракачанская беднота, но и руководители кочевых общин, вынужденные брать кредиты у чорбаджиев и таким образом терять свою экономическую самостоятельность. Трудно согласиться с выводом В. Маринова о том, что каракачан могли свободно выбирать себе кочевую общину, так как вследствие роста имущественного неравенства в конце XIX в. росла и зависимость бедных каракачан от своих богатых соплеменников. Однако Маринов вслед за Л. Жуничем, правильно подметил общность хозяйственных интересов, на основе которых объединялась кочевая община каракачан. Некоторые его предшественники<sup>51</sup> считали основой общности родственные отношения, хотя последние могут служить всего лишь идеологическим оформлением коллектива людей, связанных преимущественно экономическими интересами<sup>52</sup>. Сосредоточение капитала в руках чорбаджиев и руководителей кочевых общин сопровождалось обнищанием бедняцких слоев каракачан. Последние теряли своих овец и вынуждены были продавать свою рабочую силу, т. е. превращались в наемных рабочих.

Проникновение капиталистических отношений в экономику каракачанских пастухов-овцеводов подтверждается последними исследованиями Г. Б. Кавадияса. Об этом свидетельствует аренда пастбищных угодий<sup>53</sup>, к которой вынуждены были прибегать скотовладельцы из-за острой нехватки пастбищ, а также использование наемного труда богатыми каракачанскими семьями<sup>54</sup>.

Различные сведения о духовной культуре каракачан разбросаны в указанных\* выше описательных работах К. Хёга, Т. Капидана, Г. Вейганда, И. Цвийча, а также в работах многих других исследователей<sup>55</sup>.

<sup>45</sup> Ж. Натан, История экономического развития Болгарии, М., 1961.

<sup>46</sup> Не следует путать значение этого слова с болгарским «кехая», которое означало старшего пастуха из тех, которые нанимались пасти отару овец в течение одного сезона. См. И. Е. Гешов, Задружно владение и работане в България, ПСп, год VI, кн. XXVIII—XXX—XXXIV, 1890, стр. 543.

<sup>47</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на произхода бита и културата на каракачаните в България, стр. 16—33.

<sup>48</sup> Там же, стр. 25.

<sup>49</sup> А. Д. Константинов, Указ. раб., стр. 64

<sup>50</sup> К. Попов, Стопанска България, «Сборник на БАН», клон ист.-фил. философ. общ., кн. VIII, София, 1916, стр. 218.

<sup>51</sup> Сербский этнограф сообщал, что характерной чертой общественной жизни каракачан была «компания» — своеобразная группа, которая составлялась из неродственных семейств для совместной пастбы скота в летний сезон. В состав одной такой общины входило от 10 до 20 семейств с 10—12 тыс. голов овец. См. Л. Жунич, Указ. раб., стр. 89; Г. С. Хлебárov, Номадното овцевъдство, на каракачаните и куцозластите на Балканский полуостров, стр. 15; П. Чилев, Указ. раб., стр. 51; П. Скок, Указ. раб., стр. 159—161.

<sup>52</sup> Аналогичные явления хорошо прослежены в Туркменки во второй половине XIX в. Г. Е. Марковым. Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX — нач. XX в. «Вести. МГУ», 1957, № 4, стр. 172—173.

<sup>53</sup> G. B. Kavadias, Указ. раб., стр. 175

<sup>54</sup> Там же, стр. 176.

<sup>55</sup> M. Haberland, Kulturwissenschaftlichen Beiträge zur Volkskunde von Montenegro, Albanien und Serbien, Wien, 1917; M. Baldacci, Itinerari Albanesi, Roma, 1917; A. Vackavik, Slovenske palice «Kvakula» a «kulaga» ako pastierske etnologiki, «Сборник IV конгрес на славянските географи и етнографи в София», София, 1938, стр. 252—264; А. Делирадев, Родопите като селищна област и планинска система, София, 1937; П. Детев, Един календар-рабош в Пловдивския народни музей, «Български народ», год II, кн. I, София, стр. 10—13; Л. Денев, Селищната област по Искърския пролом. Антопогеографски проучвания, ГСУ, т. XXXIX, София, 1942—

Отдельные детали обрядов, сзязакных со свадьбой, родами и похоронами, описаны в работах Л. Жунича, Д. Илкова, А. Иширкова, П. Скока, П. Чилева<sup>56</sup>. Пережитки женского культа обнаружил русский путешественник Ионин<sup>57</sup>. О брачных отношениях писал в самом конце прошлого столетия В. Г. Василевский. Он же приводил данные о нравах кочевников и об их отношениях к другим народностям<sup>58</sup>.

И хотя в литературе о каракачанах не было недостатка в упоминаниях о различных пережитках, свойственных патриархально-родовому строю, никто из авторов не поставил вопроса о патронимии и связанных с ней отношениях. Между тем из сведений, которые были опубликованы исследователями, можно сделать интересные выводы.

Говоря о поселениях каракачан, В. Маринов упоминает о нескольких хижинах, соединенных в одну группу, так называемый «стан», или «табор», которые включают от 3 до 21 хижины<sup>59</sup>. В другом случае подробно рассказывает о том, что женщины делали одну печь, которой пользовались все семьи данной группы<sup>TM</sup>. В селе Беглики автор встречал небольшие скученные поселения, состоящие из 7 и 8 хижин, а в другом селе Беров-чучуре на расстоянии от 500 м до одного километра находились три самостоятельных поселения<sup>61</sup>. Последние можно сравнить с «махала», из которых состоят болгарские поселения в Родопских горах. Карстен Хёг сообщил, что каждая такая группа имела своего ответственного<sup>62</sup>. В этнографическом аспекте большой интерес представляют сёла Голямо, Малко и Бела Чешли (Чочовены), которые, согласно преданию, были основаны тремя братьями<sup>63</sup>. Отдельные «махала» из каракачан были в сёлах с болгарскими населением<sup>64</sup>. И. Трифуноски сообщал, что в селе Буковице в Черногории имелась отдельная «ашанская махала»<sup>65</sup>. Несколько родственных семей, живших вместе и находившихся под руководством одного человека, которого куповлахи называли «челник», каракачаны — «кехая», а саракачаны Эпира — «челинга», были известны Г. С. Хлебарову<sup>66</sup>. Однако во всех указанных случаях авторы не задумывались над тем, какие отношения существовали между этими группами<sup>TM</sup>.

Рассмотрим аналогичные явления, изученные у других народов. Отдельные части поселков в форме «куч», «гнезд», «кварталов» широко распространены у болгар. Называются такие группы — «махалы»<sup>68</sup>, которые в свою очередь состоят из родственных семей и носят чисто патронимические названия. Последние приобретают особую форму: «Дедо Стоянова махала», «Дедо Митрева махала»<sup>69</sup>. До недавнего времени

1943, стр. 165; Т. Карайовов, Материала за изучаването на Одринския вилает, СБНУ, кн. XIX, Средец, 1903, стр. 1—192; N. K e b s, Beitrage zur Geographie Serbiens und Rasiens, Stuttgart, 1922; П. Миятев, Указ. раб.; Н. Начов, Нещо за нашите рабоши и цифри, СБНУ, т. VII, 1892, стр. 495—505; Р. Николић, Крајуи Те и Власина, «Српски етн. зборник, кн. XVIII», Насела VIII, 1928, стр. 179—181; E. O b e r h i m e r, Die Balkanvolker, Wein, /1917; M. A. P h i l i p p s o n, Thessalien und Epizus. Berlin, 1897; его же; Das Mittelmeergebiet, Leipzig, 1922; П. И. Толузов. Указ. раб., стр. 340—363; W. Tomacheek, Zur Kunde der Hamus — Halbinsel, Wien, 1882; К. И. Цинцарски, Кратко описание (минало и сегашно) на село Поповяне, Самоковско, «Архив на етнографски институт с музея при Български Академия на Наукк-ке», 1965, София.

<sup>56</sup> Л. Жуниб, Указ. раб.; Д. Илков, Указ. раб.; А. Иширков, Дакоромынито в Балканския полуостров, ПНЕМ, год I, кн. I, 1921, стр. 73—90; П. Скок, Указ. раб.; П. Чилев, Указ. раб.

<sup>57</sup> Ионин, Указ. раб., стр. 130.

<sup>58</sup> В. Г. Василевский, Советы и рассказы византийского боярина XI в., СПб., 1881, стр. 94, 106—108.

<sup>59</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 103; С. Н б е г, Указ. раб., стр. 7.

<sup>60</sup> Там же, стр. 85.

<sup>61</sup> Там же, стр. 102.

<sup>62</sup> С. Н б е г, Указ. раб., стр. 8.

<sup>63</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на прихода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 117.

<sup>64</sup> С. Табаков, Опит за история на град Сливен, т. III, София, 1929, стр. 397. И. Трифуноски, Кумановско Прешевска Црна Гора, Населџа и порекло становништва, кн. 33, Београд, 1951, стр. 120.

<sup>65</sup> Г. С. Хлебаров. Номадното овцевъдство на каракачаните и куцовласите в планините на Балканския полуостров, стр. 15.

<sup>66</sup> И. Трифуноски отмечал лишь, что эта часть села получила название «ашанская махала» из-за того, что все ее обитатели занимались скотоводством; И. Трифуноски, Указ. раб., стр. 120.

<sup>68</sup> С арабского языка слово «махала» переводится «стойбище, поселок»: М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 106, 107.

<sup>69</sup> И. Захариев, Камениза, Географско-этнографско изучване, «Сборник за народни умотворения и народопис» (далее СБНУН), № 40, София, 1935, стр. 266, 273, 337.

такие махала существовали у гагаузов Южной Молдавии. Некоторые улицы на окраинах г. Чадыр-Лунги назывались «Делилерин маалыси», «Митранилерин маалыси»<sup>70</sup>.

У болгар родственные семьи, образующие отдельные махалы, именуются в других случаях как «една кръв» или «един корен»<sup>71</sup>. Существуют указания о подобных патронимических группах в литературе о других кочевниках. «Поселения...(монгол.— М. Г.) составляются преимущественно из юрт близких родственников... монголы и на тучных пастбищах не селятся сплошь большими улусами, а разбиваются на незначительные группы из 4—8 юрт»<sup>72</sup>. Существовали такие патронимические семьи и у половцев<sup>73</sup> южнорусских степей. Данные В. Маринова и его предшественников при сравнении со сведениями о других народах позволяют предположить, что у каракачан тоже существовали патронимические группы, но, к сожалению, эта проблема не нашла отражения в литературе.

Из обзорных работ зарубежных авторов о балканских кочевниках следует упомянуть краткую заметку Ласло Фелдеша, в которой он перечисляет те проблемы, которые в настоящее время изучаются учеными ряда зарубежных стран в связи со скотоводством в Юго-Восточной Европе<sup>74</sup>.

Особое место в литературе занимает вопрос о происхождении каракачан. Существовавшие теории можно свести к трем группам: 1. Каракачаны — это греки. 2. Влахи-аромуны: принявшие греческий язык. 3. Прямые потомки иллирийских или фракийских племен.

Наиболее крупным представителем теории греческого происхождения каракачан является Г. Вейгаид, который обстоятельно изучил каракачан в конце XIX и в начале XX в., предприняв с этой целью путешествие в Болгарию<sup>75</sup>.

Специально занимался этой проблемой и К. Хёг. После всестороннего этнографического и лингвистического изучения, он принял гипотезу греческого ученого А. Арагантиноса, согласно которой каракачаны — это греки, ведущие кочевой образ жизни с самой древности<sup>76</sup>. А. Иширков называл каракачан «кочевыми греческими пастухами»<sup>77</sup>. Сторонником этой теории объявил себя и сербский этнограф Л. Жунич<sup>78</sup>.

Сильно преувеличивали значения греческих элементов М. Спилиотопулос<sup>79</sup> и Д. Керамопулос<sup>80</sup>, согласно которым все кочевники Балканского полуострова, даже романоязычные влахи, всегда обитали на Балканах и были греками по происхождению.

В 1908 г. Ст. Романски отмечал, что на Балканском полуострове было три группы овцеводов: романоязычные оседлые влахи, романоязычные кочевые влахи и кочевые грекоязычные каракачаны<sup>81</sup>. Такая путаница чрезвычайно затрудняла работу исследователей. Если к этому добавить, что часть оседлых романоязычных влахов со временем перешла на греческий язык, а другая часть — на болгарский, то станет ясно, насколько трудно было исследователям разобраться во всех кочевых и полукочевых группах балканских овцеводов. Поэтому неудивительно, что И. Е. Гешов не видел никакой разницы между влахами и каракачанами<sup>82</sup>. Вслед за ним эту же ошибку повторил В. Кынчев, считавший, что каракачаны — это влахи, принявшие греческий язык через перекрестные браки с греческим населением<sup>83</sup>. Чешскому ученому К. Иречку пред-

<sup>70</sup> Эти сведения находятся в полевых материалах Молдавской этнографической экспедиции МГУ, которая проходила под руководством автора этого обзора.

<sup>71</sup> Р. Пешева, Семейство и семейнородственные отношения в Средна и Западна България, Сб. «Комплексни научни експедиции в Западна България», Доклады и материалы, София, 1961, стр. 526; М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 108.

<sup>72</sup> М. В. Певцов, Путешествие по Китаю и Монголии, М., 1951, стр. 109—110; М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 109.

<sup>73</sup> «Сказание о пленном половнике», «Памятники старинной русской литературы», т. I, СПб., 1860, стр. 73; И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, СПб., 1912.

<sup>74</sup> L. Földes, Prase z zakresu hodowli budla pasterstwa w poludniowo — wschodniej Europée, «Etnografia Polska», 1961, № 5, стр. 312—314.

<sup>75</sup> G. Weigand, Linguistischer Atlas des dacoromanischen Sprachgebietes, Leipzig, 1898; его же, Die Rumanen und Aromunen in Bulgarien, Leipzig, 1907; его же, Etnografie von Makedonien, Leipzig, 1924.

<sup>76</sup> С. Ноёг, Указ. раб.

<sup>77</sup> A. Ischirkoff, Land und Leufe Beulgariens, Leipzig, 1927, 32.

<sup>78</sup> А. Жунип, Указ. раб.; См. также рецензию Н. С. Пантелих, «Etnoloski Prageled», т. 1, 1959, стр. 80.

<sup>79</sup> M. Spiliotopoulos, Les Ylachopones Grecs, Athenes, 1916.

<sup>80</sup> Цитируется по В. Маринову, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 11.

<sup>81</sup> Ст. Романски, Указ. раб., стр. 142.

<sup>82</sup> И. Е. Гешов, Овчарите от Котленско и жетварите от Търновско, стр. 311.

<sup>83</sup> В. Кынчев, Македония, София, 1900, стр. 100—102.

ставлялось, что вlahи приняли греческий язык во время зимних стоянок<sup>85</sup>. Румынские ученые<sup>85</sup> и их сербский коллега И. Цвийч<sup>86</sup> предполагали, что этот процесс длился на протяжении пяти-шести столетий. В последнее время в пользу этой точки зрения высказался Т. П. Вуканович<sup>87</sup>.

Оригинальная точка зрения принадлежит С. Табакову. Поскольку каракачань известны под разными именами (вlahи, молдованы, куцовlahи, аромуны, цинцари и т. д.), которые являются «недороманизированными туземцами Балканского полуострова», и поскольку в отдельных местах их называют арнаутами, постольку, по мнению автора, каракачан можно считать «романизированными фракийскими илирийцами»<sup>88</sup>. Однако в подтверждение этой схемы автор не привел никаких аргументов за исключением того, что некоторые балканские каракачань называли свои колиби (жилища) словом «ка-туни», которое якобы произошло от римского *cantone*<sup>89</sup>.

Эта смелая мысль оказала влияние на П. Делирадева, который в 1937 г. назвал каракачан «эллинизированными илирийскими кочевниками»<sup>90</sup>.

В 1921 г. П. Чилев опубликовал статьи о каракачанах (саракачанах), в которой назвал их остатками местных фракийских племен, принявших греческий язык, в отличие от вlahов, которые являются романоязычными потомками фракийцев<sup>91</sup>. Через семь лет П. Скок, подтверждая точку зрения о том, что каракачань не были ни греками, ни вlahами по происхождению, привел славянские слова, встречающиеся в их языке<sup>92</sup>.

В 1930—1940-е годы это мнение получило широкое распространение в болгарской литературе. Ж. Чанков, Г. С. Хлебаров видели в каракачанах потомков фракийских<sup>93</sup>, а Константинов — потомков фракийско-илирийских племен<sup>94</sup>.

Однако никто из авторов специально не занимался этой проблемой. Д. Константинов, например, в своей большой монографии всего лишь в двух местах бегло упоминает о происхождении каракачан, не приводя ни одного аргумента<sup>95</sup>.

В советской литературе нет единого мнения по этому вопросу. И грекоязычных каракачан, и романоязычных вlahов Д. Е. Еремеев<sup>96</sup> назвал потомками дотюркских кочевников Балканского полуострова, однако от разъяснения своей точки зрения воздержался. А. Пулянос и Ю. В. Иванова, авторы раздела «Греки» в сводной работе «Народы зарубежной Европы», бегло упомянули о каракачанах, как о «греческой группе», которая происходит из села Сакареци в Акаринании<sup>97</sup>. Однако, по их словам, этот факт точно не установлен<sup>98</sup>.

И, наконец, два мнения, высказанные В. Мариновым и Г. Б. Кавадиясом: согласно первому, каракачань — это потомки наиболее древнего населения Балканского полуострова, смешавшиеся со славянами в окрестности и самом нагорье Пинда, вследствие чего в их языке встречается много славяно-болгарских терминов и названий<sup>99</sup>; согласно второму, современные каракачань — это небольшая группа оседлого греческого населения, которое в силу сложившихся обстоятельств было оторвано от своих жилищ и земледельческого труда в XIV в. и нашло убежище в горах, где сменило оседлый образ жизни на кочевой, начав заниматься скотоводством<sup>100</sup>. Однако автор не до конца последователен. Страницей ниже, ссылаясь на данные византийский принцессы Анны Комниной, он пишет, что образ жизни кочевых пастухов на Балканском полуострове известен уже с XI в., когда на Балканы хлынули кочевые турки из южнорусских степей<sup>101</sup>. Устные предания каракачан, по словам Г. Б. Кавадияса, свидетель-

<sup>84</sup> K. Jirecek, *Des Fiirstenthum Bulgarien*, Wienne, 1891, стр. 118; его же, *Княжество България, Пътувания, Пловдив*, 1899, стр. 306.

<sup>85</sup> N. Jorga, *Histoire des Roumains de la Peninsule des Balkans*, Bucurest, 1919, стр. 17; T. Capidan, *Dacoromânia*, т. IV, 1926, стр. 466.

<sup>86</sup> J. Cvijic, *Le Peninsule Balcanique*, Paris, 1918.

<sup>87</sup> T. P. Vukanovic, *Les valaques, habitants autochtones des pays Balkaniques, «l'Etnographie»*, Paris, 1962, стр. 17.

<sup>88</sup> С. Табаков, *Указ. раб.*, стр. 398.

<sup>89</sup> Там же, стр. 399.

<sup>90</sup> П. Делирадев, *Родопите като селишна област и планинска система*, София, 1937, стр. 23. Ср. В. Кичев, *Македония*, стр. 100—101.

<sup>91</sup> П. Чилев, *Указ. раб.*, стр. 49—55.

<sup>92</sup> П. Скок, *Указ. раб.*, стр. 155—181.

<sup>93</sup> Ж. Чанков, *Населенней* на България, София, 1935, стр. 207; Г. С. Хлебаров, *Каракачанската овца*, стр. 1—3.

<sup>94</sup> Д. Константинов, *Указ. раб.*, стр. 23.

<sup>95</sup> Там же.

<sup>96</sup> Д. Е. Еремеев, *Указ. раб.*, стр. 33.

<sup>97</sup> «Народы зарубежной Европы», под ред. С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова, М., 1964, стр. 572.

<sup>98</sup> Там же.

<sup>99</sup> В. Маринов, *Принос' към изучаването на произхода бита и културата на каракачаните в България*, стр. 12, 13, 127, 128, 134, 138.

<sup>100</sup> Г. В. Кавадияс, *Указ. раб.*, стр. 8, 9.

<sup>101</sup> Там же, стр. 9.

ствуют о том, что они бежали в горы для того, чтобы сохранить свой кочевой образ жизни<sup>102</sup>. Точка зрения Г. Б. Кавадияса не может быть принята, так как история кочевых народов Передней и Средней Азии и обширных Евразийских степей не дает нам таких примеров, когда оседлое население бросало бы земледелие и переходило к кочевому образу жизни.

Процесс оседания кочевников в каждом конкретном случае был прогрессивным явлением и представлял собой переворот в социально-экономических условиях жизни кочевого народа. Переход на оседлость открывал большие перспективы для развития производительных сил, и это вело к созданию прочного материального базиса и к росту духовной культуры общества. Обратный процесс, который пытается защищать Г. Б. Кавадияс, невозможен. Он противоречит марксистско-ленинскому положению прогрессивного развития человечества.

Из обзора взглядов на происхождение каракачан становится очевидным, что эта проблема окончательно не решена и ждет объединенных усилий этнографов, антропологов и лингвистов.

Точка зрения болгарского этнографа В. Маринова не лишена недостатков. В ряде мест, приводя слова, тюркские по своему происхождению, он объясняет их прямым заимствованием из турецкого языка. Наибольшему влиянию турок якобы подверглись каракачаны с. Голямо Чочовены. Однако здесь автор явно противоречит самому себе, так как, по его же свидетельству, турецкое население села вымерло от чумы перед самым освобождением Болгарии. А потом, когда село заселили каракачаны, среди них осталось только три семьи турок, которые в силу своей малочисленности не могли сильно повлиять на лексику каракачанского языка<sup>103</sup>. С другой стороны, в лексике каракачан многие слова образованы по законам словообразования, свойственного тюркским языкам. Так, например, посредством суффикса *-ник* от одних имен существительных образуются другие, указывающие на скопление в одном месте предметов, названных в первоначальном слове (сине-ник, стог сена)<sup>104</sup>. Аналогичное явление изучено в гагаузском языке<sup>105</sup>, встречается в башкирском<sup>106</sup> и туркменском языках<sup>107</sup>.

Посредством другого суффикса *-лык-* от имени существительного, обозначающего название предмета, образуются имена существительные, обозначающие назначение данного предмета (оджалык — место для очага<sup>108</sup>, саплык — ручка для топора)<sup>109</sup>.

Брынза, приготовленная в кожаном бурдюке, издавна знакомая каракачанам, называется «тулума»<sup>110</sup>, что также восходит к тюркской основе «толу», «долу» — «наполненный», так же, как и само слово «бурдюк»<sup>111</sup>.

Таким образом, образование греческих слов по законам, свойственным тюркским языкам, свидетельствует о том, что структура каракачанского языка — тюркская.

Вопрос о тюркской терминологии и самостоятельности тюркского лексического пласта интересно увязывается с проблемой коневодства у каракачан. Согласно К. Иречку, существовало даже две группы среди каракачан, одна из которых занималась только овцеводством, а другая — только коневодством<sup>112</sup>. В терминологии хозяйственных элементов, связанных с коневодством, обнаруживается преобладание тюркских слов. По-видимому, это можно объяснить тем, что коневодство было вытеснено овцеводством, оставив в память о себе лишь обильную тюркскую терминологию, которая так и не подверглась ни греческому, ни болгарскому влиянию.

Славянизмы встречаются в языке каракачан там, где речь идет о видах транспорта. Но эти СЛОВЕ заимствованы скорее из древнерусского, чем из болгарского языка<sup>113</sup>. А отсутствие тюркизмов в терминологии одежды каракачан частично можно объяснить из выводов самого В. Маринова, которому удалось проследить различные этапы в ее изменении с конца XIX в. по настоящее время. Вместе с самой одеждой изменялась и ее терминология.

<sup>102</sup> Г. В. Кавадияс, Указ. раб., стр. 10.

<sup>103</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 118.

<sup>104</sup> Там же, стр. 52.

<sup>105</sup> Л. А. Покровская, Грамматика гагаузского языка, М., 1964, стр. 85.

<sup>106</sup> Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 81.

<sup>107</sup> Ю. Г. Незифи, Некоторые вопросы сопоставительной грамматики русского и туркменского языков, Ашхабад, 1961.

<sup>108</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 63.

<sup>109</sup> Там же, стр. 64.

<sup>110</sup> Там же, стр. 58.

<sup>111</sup> Г. В. Кавадияс, Указ. раб., стр. 58.

<sup>112</sup> К. Иречек, Български дневник 1879—1884, т. I, София, 1930, стр. 120.

<sup>113</sup> «Летопись великого логофета Георгия Акрополита», под ред. Троицкого, СПб., 1853, стр. 4; «Труды XIII археологической сессии», т. I, М., 1907, стр. 123—121; В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 281; Плано Карпини, История монголов, СПб., 1911, стр. 67.

Хорошо известно, что в лексику балканских народов проникло много тюркизмов. Важно отметить, что заимствования из турецкого языка в основном укоренились «в тех областях народной жизни, которые больше всего испытали влияние турецкой культуры (ремесло, домашняя утварь, пища, одежда и т. п.). Характерно, что в хозяйственную (земледелие, скотоводство) терминологию тюркизмы почти не проникли<sup>114</sup>. Отсюда становится очевидным древнее происхождение тюркской терминологии по коневодству у каракачан.

Подробно описывая жилище, одежду, домашнюю утварь, ткацкий станок, маслобойку и другие предметы, Г. Б. Кавадас, к сожалению, нигде не приводит соответствующие названия на каракачанском языке. А в тех случаях, когда он дает названия предметов, как например, *tsardhaki* — навес из ветвей<sup>115</sup>, *tsarouchia* — постолы<sup>116</sup>, *sofra* — небольшой круглый столик для еды<sup>117</sup>, все термины оказываются тюркскими. Это дает возможность предположить, что каракачаны первоначально говорили на тюркском языке.

В пользу этой точки зрения говорит тот факт, что язык современных каракачан, по мнению греческих специалистов, с которыми в последнее время согласился Г. Б. Кавадас, сформировался в XIV в. Это можно допустить на том основании, что в языке каракачан нет тех архаических элементов греческого языка, которые сохранились у некоторых групп греческого населения, оказавшихся в изоляции, как например, в районе Трапезунда или на некоторых греческих островах<sup>118</sup>. В одной из ранее написанных работ В. Маринов называет язык каракачан «старогреческим диалектом»<sup>119</sup>, а в последней монографии он указывает, что сегодня каракачаны говорят на современном северогреческом диалекте<sup>120</sup>. А. Пулянос и Л. В. Маркова называют этот язык «особым говором новогреческого языка»<sup>121</sup>.

Общие черты каракачан с тюркоязычными народами Балканского полуострова прослеживаются в их материальной культуре. Некоторые детали из украшений каракачан довольно архаичны и напоминают аналогичные явления у гагаузов<sup>122</sup> и у кочевников южно-русских степей<sup>123</sup>. К ним относятся посеребренные нитки с нанизанными на них монетами и позолоченными бляхами<sup>124</sup>.

Вопрос о происхождении каракачан осложняется и тем, что в литературе XIX и XX вв. нет ясного мнения о происхождении этнонима «каракачаны». До начала XX в. в болгарской литературе они были известны под названием цинцар<sup>125</sup>, греческих пастухов<sup>126</sup>, куховлахов<sup>127</sup>. Черновунцами<sup>128</sup>, цинцарами<sup>129</sup>, белучанами<sup>130</sup> и греками<sup>131</sup>.

<sup>114</sup> «Народы зарубежной Европы», М., 1964, стр. 495.

<sup>115</sup> G. B. Kavadias, Указ. раб., стр. 75.

<sup>116</sup> Там же, стр. 99.

<sup>117</sup> Там же, стр. 30.

<sup>118</sup> Там же, стр. 9.

<sup>119</sup> В. Маринов, Каракачаните в България, стр. 6.

<sup>120</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 127.

<sup>121</sup> См. «Народы зарубежной Европы», стр. 572; Л. В. Маркова, Научная командировка в Болгарию, «Сов. этнография», 1957, III 2, стр. 131.

<sup>122</sup> В. А. Мошков, Гагаузы Бендерского уезда, «Этнографическое обозрение», год XIII, кн. XVIII, 1901, № 1, стр. 112.

<sup>123</sup> С. А. Плетнева, Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 62, М — Л, 1958, «р. 211.

<sup>124</sup> Ср. В. Маринов, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 95, фото № 21, 22, стр. 95, фото № 24, стр. 99, фото № 28.

<sup>125</sup> В. Кънчев, Указ. раб.; А. Иширков, указ. раб.; Ст. Романски, Указ. раб., стр. 137—147.

<sup>126</sup> Q<sub>7</sub> Романски, Указ. раб., стр. 143.

<sup>127</sup> Там же.

<sup>128</sup> В. Карић, Указ. раб., стр. 95; М. Б. Милчевич, С. Дунава на Пину, «Годишн, иша Николе Чулића», IV, Београд, 1882, стр. 246; Н. И. Петровић, Путање наставника и ученика друге београдске гимназије по Србши, «Наставник», 1890, стр. 224; С. Троянов, На Копанику, «Отаубина», XXI, 1881, стр. 250; Т. Берпевич, Упуства, питања и одговори, «Гласник Географског друштва», № 3—4, Београд, 1914, стр. 287; Р. Николић, Врааска Пт'ина, «Насела и порекло становиштва», кн. VIII, Београд, 1912, стр. 142.

<sup>129</sup> Н. Петровић, Указ. раб., стр. 224; I. Цвиј'ић, Указ. раб.; М. Милошевић — Бревинац, Цинцарско «Хорјо» на Копанику, «Гласник етнографског музеја», XV, Београд, 1940, стр. 165.

<sup>130</sup> I. Цвиј'ић, Указ. раб., стр. 88.

<sup>131</sup> Там же.

назывались они в сербской литературе. У некоторых авторов они были известны под именем «ашаны»<sup>134</sup>, однако это название, по мнению Л. Жунича, означало не этническую принадлежность, скорее форму их кочевого хозяйства<sup>135</sup>. Так же думал Атанас Урошевич<sup>136</sup>.

В. Маринов наименование каракачаны переводит по-разному: в одном случае с турецкого — «кыра качан» — убежать в поле<sup>135</sup>, в другом случае, «кара качан» — черные беглецы, черные кочевники<sup>136</sup>, в третьем случае, вслед за другими авторами, соглашается, что слово это происходит от названия села Сираково в Пиндских горах, «саракачаны», которое турки переделали на «каракачаны»<sup>137</sup>. Тюркское происхождение наименования каракачан не вызывает сомнения. Неясным остается только время его происхождения. Д. Е. Еремеев считает, что этот этноним имеет скорее всего тюркское происхождение, но не исключает возможности, что оно было дано уже турками-османами<sup>138</sup>. Но эта точка зрения требует дополнительного доказательства.

Тюркский слой в этногенезе каракачан подтверждает и следующее явление. В конце XIX в. в местах обитания каракачан, обычно по склонам гор, находили скопления человеческих костей под каменными стелами. Описавший эти могильники Д. Илков попытался объяснить это тем, что каракачаны не хотели платить большой налог за похороны своих соплеменников, и поэтому прятали от турецкой администрации своих покойников иод каменных столбы<sup>139</sup>. Однако он не обратил внимания на широкую распространенность этого явления и не понял его основного значения. Можно предположить, что перед нами обряд захоронения, имеющий сходство не только с захоронением у тюркоязычных кочевников северного Причерноморья, но и древнетюркских племен VI—VIII вв.

Со средневековыми тюрками сближает каракачан и некоторое сходство в элементах материальной культуры. Г. Б. Кавадияс отмечает, например, у каракачан Греции два типа ткацких станков. По его словам, станки такого же типа встречаются у кочевников Средней и Передней Азии, в том числе у туркменских племен<sup>140</sup>. Из остальных примеров можно назвать чисто кочевнический бурдюк<sup>141</sup>.

По данным антропологических исследований, проведенных греческими учеными, у каракачан были обнаружены монголоидные черты: «Крайне незначительный процент эпикантуса в сочетании со средним выступлением скул»<sup>142</sup>. Монголоидные признаки подтвердились исследованиями О. Некрасовой (Румыния), П. Боева (Болгария)<sup>143</sup> и Г. А. Кюпперса (Австрия)<sup>144</sup>.

Перечисленные факты позволяют предполагать, что вероятными предками каракачан было одно из средневековых тюркских племен.

В XI—XIII вв. на Балканский полуостров хлынули тюркоязычные кочевые племена печенегов, узов и половцев, которые до этого проживали к югу от границ Киевского государства, в степях северного Причерноморья. В византийских источниках находим сведения об истории переселения этих кочевников на Балканский полуостров<sup>145</sup>.

<sup>132</sup> Р. Николић, Указ. раб., стр. 280. Л. Жунић указывает, что этим же именем назывались и другие скотоводы. Например, семью серба Жуновича звали «ашаны» за преобладание в его хозяйстве скотоводства, см.: Б. Дробнаковић, КОСМЙ, «Населая и порекло становништва», кн. 26, Београд, 1930.

<sup>133</sup> Л. Жунић, Указ. раб., стр. 88.

<sup>134</sup> А. Урошевић, Горна Морава и Измориик, «Населая и порекло становништва», кн. 28, Београд, 1935, стр. 44.

<sup>135</sup> В. Маринов, Каракачаните в България, стр. 6.

<sup>136</sup> В. Маринов, Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България, стр. 128.

<sup>137</sup> Там же, стр. 12, 13. Саракачаны Эпирских гор и каракачаны остальных районов Балканского полуострова — это один и тот же народ. Небольшие различия имеются в жилище и одежде, которые обусловлены разными климатическими условиями. См. Г. С. Хлебárov, Номадното овцевъдство на каракачаните и куцовласите в планините на Балканския полуостров, стр. 14.

<sup>138</sup> Д. Е. Еремеев, Проникновение тюркских племен в Малую Азию, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964, стр. 3.

<sup>139</sup> Д. Илков, Указ. раб., стр. 678.

<sup>140</sup> G. B. Kavadias, Указ. раб., стр. 95, примечание 8.

<sup>141</sup> Там же, стр. 58.

<sup>142</sup> Д. Е. Еремеев, Проникновение тюркских племен в Малую Азию, стр. 4.

<sup>143</sup> О. Некрасова, П. Боев, Принос към антропологията на каракачаните, «Известия на института по морфология», кн. VI, София, 1962, стр. 84, 85.

<sup>144</sup> G. A. Kiippers, Volkerkundliche Bilder von furt Balkanreisen. См.: K. C. Loesch, W. S. Muhlmann, Die Völker und Rassen Südosteuropas, Wien, 1943, стр. 101.

<sup>145</sup> Константин Багрянородный, Об управлении государством, «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», Л., вып. 9, 1934; «Исто-

Интересные, но очень отрывочные сведения разбросаны в источниках западноевропейского происхождения<sup>145</sup>. Как ни скудны эти данные, они позволили исследователям наметить основные этапы переселения тюркоязычных кочевников на Балканы, а также сделать некоторые выводы о границах расселения и характере взаимоотношений печенегов, узов и куман с греческим населением Византии и остальными народами Балканского полуострова<sup>147</sup>.

Эти кочевники приняли христианство, вступив в прямые контакты с греческим населением Византийской империи. Арабский географ Масуди отмечал, что в состав византийцев вошли «русские, армяне, бургары и тюркские печенеги»<sup>148</sup>.

Все перечисленные выше факты дают основание считать, что греческий язык одно из этих племен кочевников приняло, находясь полностью в окружении греков.

Падение Османской империи привело к установлению государственных границ на Балканском полуострове. В связи с этим сократились возможности для перекочевков, и каракачаны стали переходить на оседлость, это отмечали все исследователи

рические записки Никифора Вриенния», «Византийские историки», СПб., 1858; Анна Комнина, Алексиада, М., 1965; «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов, труд Иоанна Комнина», «Византийские историки», 1859; «История Никиты Хониата», «Византийские историки», 1860; «Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами», «Византийские историки», 1862; «Летопись великого логофета Акрополита», «Византийские историки», 1853. Наиболее полную сводку указаний византийских источников о тюркоязычных кочевниках см. в работе: Gy. Moravcsik, *Byzantino-turcica*, v. I — «Die byzantinischen Quellen der geschichte der Türkvolker», Budapest, 1942; П. Чилев, Една анонимна византийска хроника, «Известия на историческо дружество», кн. I, София, 1905.

<sup>146</sup> К. Жуглев, Принос към историята на средновекона България във основа на хрониката на Хенрих дьо Вилансиен, ГСУ, истор.-фил. факултет, № 46, кн. 2, 1945; И. Дуйчев, Преписката на папа Иннокентий III, ГСУ, т. XXXVIII, 1941 — 1942; Вс. Николаев, Хроника на Жофруа дьо Вилардуен. Завладяването на Цариград, София, 1947.

<sup>147</sup> В. Г. Василевский, Собр. соч., т. I, «Византия и печенеги», СПб., 1908; П. В. Голубовский, Половцы в Венгрии, «Университетские известия», № 12, Киев, 1889; К. Иречек, Неколько бележки върху остатоците отъ печенези, кумани, както и върху тъй наречените народи гагаузи и сургуци въ Днешна България, ПСп, год VII, кн. XXXII—XXXIII, Средец, 1889—1890, стр. 211—241; А. Иширков, Историко-этнографски преглед на населението в царство България, «Известия НЕМ», кн. X—XI, София, 1932; В. Н. Златареки, Историко-политическата съдба на Добруджа, Сб. «Добруджа», 1918, София, стр. 43—48; его же, Какъв народ се разбира у Анна Комнина под израза «Известия на Българското историческо дружество», кн. XI—XII, София, 1931/1932, стр. 71—83; В. Н. Златареки и Г. И. Капаров, Договорът на княз Иванко, сии Добротичев, с генуэзците от 1387, «Известия на Българското историческо дружество», кн. III, София, 1911, стр. 17—19; А. Иширков, Дакорумыните в Балканския полуостров, ИНЕМ, год I, кн. 2, 1921, стр. 72—90; Ст. Младенов, Печенези и узи-кумани в българската история, Българска историческа библиотека, год. IV, т. I, 1931, стр. 115—136; П. Н. Мутафчиев, Добруджа в миналото, Сб. «Добруджа», 1947, т. IV, стр. 13—91; В. Н. Златарски, Потеклото на Петра и Асеня, «Списание на Българската Академия на науките», кн. 45, клон истор.-филос, № 22, 1933; J. Marquart, *Über das volkstum der Komanen*, в кн.: W. Bang und J. Marquart, *Astürkische Dialektstudien*, Berlin, 1914, стр. 25—238; Вс. Николаев, Потеклото на Асеновци и етническият характер на основаната от тях държава, София, 1944; См. рец. на эту книгу: Д. Ангелов, «Исторически преглед», год 3, № 3, стр. 374—383; A. Kurat, *Pedenek tarihi*, Istanbul, 1937; его же, *Pegeneklere dair arastirmalar*, «Türkiyat Mecmuasi», 1935, № 5, стр. 101—140; D. A. Rasovskij, *Les Comans et Byzance*, «Известия на Български хеологический институт», т. IX, София, 1935, стр. 341—351; N. Banesku, *Dampolis ou Diakene? Une epizode de la querre byzantino-petcheneque*, «Bulletin de la section historique», № 26, 1945, стр. 185—191; H. N. Oğkun, *Pecenekler*, Istanbul, 1933; C. A. Macarthy, *The petschenegs*, «The Slavonic review», 1929, № 8, стр. 342—355; L. Rasopuy, *Tuna havzasinda kumanlar*, «Belleten», jilt. III, siif. 11/12, Ankara, 1930, стр. 401—422; H. N. Oğkun, *Türk tarihi*, gilt. II, Ankara, 1946; Ф. И. Успенский, Образование Второго Болгарского царства, «Записки императорского Новороссийского университета», 1879, Одесса, стр. 97—448; К. Шкорпил и Х. Шкорпилл, Материали към въпроса за съдбата на прибългарите и на северите и към въпроса за произхода на днешните гагаузи, «Byzantinoslavica», 1933—1934.

<sup>148</sup> В. Ф. Минорский, Куда ездили древние русы?, «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы», М., 1964, стр. 22.

каракачан. Однако фактически дело было не столько в этом, сколько в социально-экономическом развитии самих балканских кочевников.

Под воздействием экономических условий каракачаны были вынуждены продавать своих овец и переходить на оседлость. Это обстоятельство объективно открывало путь для вложения своего труда в землю. Земледельческое хозяйство, в отличие от скотоводства, открывало перед каракачанами широкие перспективы для усовершенствования средств труда и развития его производительности. После перехода на оседлость у каракачан шире стало развиваться ремесленное производство. Трудовая деятельность становилась более разнообразной и богатой по своему содержанию.

Вместе с тем переход на оседлость способствовал сближению каракачан с другими народностями Балканского полуострова, а в некоторых случаях вел к ассимиляции первых: известны случаи полной ассимиляции небольших кочевых групп или отдельных семейств каракачан<sup>149</sup>. М. Филиппович непосредственно связывал ассимиляцию каракачан с переходом на оседлость<sup>150</sup>. По его словам, каракачаны иногда оказывались более тесно связанными экономическими отношениями с балканскими народами, чем между собой<sup>151</sup>. Более подробно это явление было освещено в работе американского социолога И. Т. Сандерса<sup>152</sup>.

Ассимиляция каракачан в Болгарии в условиях социализма нашла отражение в работах В. Маринова<sup>153</sup>. О благоприятных изменениях в быту и в хозяйстве каракачан Сербии писал Л. Жунич<sup>154</sup>. После установления народно-демократической власти в Болгарии и Югославии каракачаны были уравнены в правах со всеми остальными национальностями на базе социалистических производственных отношений. В настоящее время каракачаны работают в государственных и кооперативных земледельческих хозяйствах. Они овладели новыми профессиями и стали широко использовать сельскохозяйственные машины. Дети недавних кочевников, ныне оседлых каракачан, сегодня бесплатно обучаются в средних школах, поступают и заканчивают высшие учебные заведения и становятся активными строителями нового социалистического общества.

М. Губогло

<sup>149</sup> М. Б. Милићевич, Указ. раб., стр. 249; М. С. Филиппович, Указ. раб., стр. 145.

<sup>150</sup> М. С. Филиппович, Указ. раб., стр. 145.

<sup>151</sup> Там же.

<sup>152</sup> См. Л. Жунич, Указ. раб., стр. 105.

<sup>153</sup> У<sup>г</sup> Магиров, Die Schafzucht der nomadisierenden Karakatschanen in Bulgarien, стр. 147—196; его же, Каракачаните в България, стр. 24.

<sup>154</sup> Л. Жунич, Указ. раб.

## НАРОДЫ СССР

Р. Ф. Тароева. *Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк.* М.—Л., 1965 г. 223 стр. Приложение (I—XVIII таблиц иллюстраций).

Рецензируемая книга — третья за последние два года, посвященная этнографическому изучению населения Карельской АССР<sup>1</sup>. Эта книга — первая сводная работа по материальной культуре карел — является существенным вкладом в довольно скудную этнографическую литературу по этому вопросу.

Книга написана в основном на полевых материалах, собранных автором в экспедициях за последние десять лет (1955—1965 гг.). Кроме того, привлечен довольно широкий круг других источников: архивные данные, музейные коллекции, а также этнографическая, историческая, фольклорная литература и др.

Освещен в основном дореволюционный период — с середины XIX до начала XX в. (хотя автор делает экскурсы и в более отдаленное время), а последняя глава посвящена современности.

Книга состоит из введения и шести глав: 1—Хозяйство и занятия. Орудия труда; 2—Способы и средства передвижения; 3—Поселения и постройки; 4—Пища и утварь; 5—Одежда; 6—Новые черты в материальной культуре карел в советскую эпоху. В конце даны заключение, указатель карельских терминов и 18 таблиц иллюстраций.

<sup>1</sup> «Верхний Олонец — поселок лесорубов. Опыт этнографического описания», М.—Л., 1964 и В. В. Пименов, Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры, М.—Л., 1965.